

НЕЧТО О ХАРАКТЕРЕ ПОЭЗИИ ПУШКИНА

Отдавать себе отчет в том наслаждении, которое доставляют нам произведения изящные, есть необходимая потребность и вместе одно из высочайших удовольствий образованного ума. Отчего же до сих пор так мало говорят о Пушкине? Отчего лучшие его произведения остаются неразобранными[#], а вместо разборов и суждений слышим мы одни пустые восклицания: "Пушкин поэт! Пушкин истинный поэт! "Онегин" поэма превосходная! "Цыганы" мастерское произведение!" и т. д.? Отчего никто до сих пор не предпринял определить характер его поэзии вообще, оценить ее красоты и недостатки, показать место, которое поэт наш успел занять между первоклассными поэтами своего времени? Такое молчание тем непонятнее, что здесь публику всего менее можно упрекнуть в равнодушии. Но, скажут мне, может быть, кто имеет право говорить о Пушкине?

[#] Все, что в "Сыне отечества", "Дамском журнале", "Вестнике Европы" и "Московском телеграфе" было сказано до сих пор о "Руслане и Людмиле", "Кавказском пленнике", "Бахчисарайском фонтане" и "Онегине", ограничивалось простым извещением о выходе упомянутых поэм или имело главным предметом своим что-либо постороннее, как, например, романтическую поэзию и т. п.; но собственно разборов поэм Пушкина мы еще не имеем.

Там, где просвещенная публика нашла себе законных представителей в литературе, там немногие, законодательствуя общим мнением, имеют власть произносить окончательные приговоры необыкновенным явлениям словесного мира. Но у нас ничей голос не лишний. Мнение каждого, если оно составлено по совести и основано на чистом убеждении, имеет право на всеобщее внимание. Скажу более: в наше время каждый мыслящий человек не только может, но еще обязан выражать свой образ мыслей перед лицом публики, если, впрочем, не препятствуют тому посторонние обстоятельства, ибо только общим содействием может у нас составиться то, чего так давно желают все люди благомыслящие, чего до сих пор, однако же, мы еще не имеем: что, быв результатом, служит вместе и условием народной образованности, а следовательно, и народного благосостояния: я говорю об общем мнении. К тому же все сказанное перед публикой полезно уже потому, что сказано: справедливое - как справедливое; несправедливое - как вызов на возражения.

Но, говоря о Пушкине, трудно высказать свое мнение решительно; трудно привести к единству все разнообразие его произведений и приискать общее выражение для характера его поэзии, принимавшей столько различных видов. Ибо, выключая красоту и оригинальность стихотворного языка, какие следы общего происхождения находим мы в "Руслане и Людмиле", в "Кавказском пленнике", в "Онегине", в "Цыганах" и т. д.? Не только каждая из сих поэм отличается особенностью хода и образа изложения (la maniere); но еще некоторые из них различаются и самым характером поэзии, отражая различное воззрение поэта на вещи, так что в переводе их легко можно бы было почесть произведениями не одного, но многих авторов. Эта легкая шутка, дитя веселости и остроумия, которая в "Руслане и Людмиле" одевает все предметы в краски блестящие и светлые, уже не встречается больше в других произведениях нашего поэта; ее место в "Онегине" заступила уничтожающая насмешка, отголосок сердечного скептицизма, и добродушная веселость сменилась здесь на мрачную холодность, которая на все предметы смотрит сквозь темную завесу сомнений, свои наблюдения передает в карикатуре и созидает как бы для того только, чтобы через минуту насладиться разрушением созданного. В "Кавказском пленнике", напротив того, не находим мы ни той доверчивости к судьбе, которая одушевляет "Руслана", ни того презрения к человеку, которое замечаем в "Онегине". Здесь видим душу, огорченную изменами и утратами, но еще не изменившую самой себе, еще не утратившую свежести прежних чувствований, еще верную заветному влечению, - душу, растерзанную судьбой, но не побежденную: исход борьбы еще зависит от будущего. В поэме "Цыганы" характер поэзии также совершенно особенный, отличный от других поэм Пушкина. То же можно сказать почти про каждое из важнейших его творений.

Но, рассматривая внимательно произведения Пушкина, от "Руслана и Людмилы" до пятой главы "Онегина"[1], находим мы, что при всех изменениях своего направления поэзия его имела три периода развития, резко отличающихся один от другого. Постараемся определить особенность и содержание каждого из них и тогда уже выведем полное заключение о поэзии Пушкина вообще.

Если по характеру, тону и отделке, сродным духу искусственных произведений различных наций, стихотворство, как живопись, можно делить на школы, то первый период поэзии Пушкина, заключающий